

РЕВОЛЮЦИИ В ЭПОХУ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Болгарь А.В., Бухтояров М.С.

*Университет Кент Стейт,
Сибирский Федеральный университет*

Эпоха “оранжевых” и “цветочных” революций, проходящих по четкой управляемой извне схеме, подробно описанная в работах С.Г. Кара-Музры, по всей видимости, заканчивается. Ей на смену приходит волна протестных движений нового типа. И эта волна, в отличие от предыдущей, возможно, вызывается к жизни социальными механизмами, имеющими марксистскую основу: она предстает как реальная попытка обществ разрешить “виртуальное” противоречие между уже возникшими повсеместно общественными отношениями, порожденными новым информационным способом производства начала XXI века (и изначально являвшимися производственными отношениями), и старыми индустриальным и даже аграрным способами производства, сохранившимся во многих странах и базирующимися на производительных силах многовековой давности. Таким образом, производственные отношения, сложившиеся для значительной части обществ, в нарушение марксистского закона соответствия, могут опережать в развитии производительные силы.

В результате, в сегодняшнем мире процессы, протекающие в виртуальном социальном пространстве могут приобретать вполне реальные социальные, политические и экономические последствия. А современные технологии, такие как спутниковое телевидение, сотовая связь и Интернет позволяют очень быстро и эффективно объединять людей по классовым и другим интересам, политическим и религиозным взглядам, национальному и гендерному признакам. Вполне возможно, что в будущем, оглядываясь на 2011 год, историки назовут его годом революций.

Событие, явившееся “спусковым крючком” массовых беспорядков благодаря современным сетевым технологиям, стало известно всему миру почти сразу после того, как оно произошло: акт самосожжения 26-летнего тунисского торговца овощами Мохаммеда Буазизи привел не только к уходу президента Бена Али, но также имел широкие последствия для всего остального арабского мира. Вскоре после Туниса волнения перекинулись на Египет, Бахрейн, Ливию и другие страны Северной Африки и Ближнего Востока. По многим аспектам их можно было бы сравнить с “оранжевой” революцией или “революцией роз”, если бы не тот факт, что в отличии от тех революций, в событиях 2011 года главной направляющей силой являлась не организованная оппозиция, годами накапливающая протестный потенциал и готовящая почву для переворота, а мгновенно складывающиеся “виртуальные” или “сетевые” сообщества, не имеющие жесткой организационной структуры и единого центра.

Такой способ организации или самоорганизации является уникальным в истории мировых революций так как в них отсутствует четко выраженный лидер за которым следуют массы. По сути, эти революции являются стихийным “движение масс”.

Активисты рассылали призывы к протестам широко используя социальную сеть “Facebook” и сервис микроблогов “Twitter”, сотовую связь, также применяя их для четкой координации своих действий.

Широкое использование сетевых технологий придало протестным движениям определенные преимущества в противостоянии государственным структурам. Одним из главных таких преимуществ является децентрализованность организации акций. Благодаря такой модели, нигде не происходит формирования единого “штаба”, но его функции осуществляются повсеместно, во всемирной паутине, лишая власть возможности остановить социальное движение путем устранения или ослабления ее лидеров. Само понятие “лидерство” с трудом применимо к такому типу протеста.

Значительную роль в формировании международного общественного мнения в отношении событий сыграл популярный видео-сервис “Youtube”, посредством которого протестующие получили возможность эффективно манипулировать общественным мнением по поводу происходящего в стране, публикуя информацию даже о единичных случаях подавления протестов. Репортажи мгновенно попадают в сеть и просматриваются тысячами людей во всем мире. Это приводит к формированию благоприятного для революционеров общественного мнения в разных странах, что выражается в заявлениях политиков. Поддержка же последних, в свою очередь, “приободряет” митингующих и вызывает новые приливы протестных настроений.

Важным фактором самоорганизации также стала скорость и широта распространения информации. Они определили изначальный высокий темп протекания и охват социальных процессов. Особо значимым является тот факт, что даже при частичном и, позднее, почти полном отключении средств связи и доступа к глобальным информационным ресурсам первоначального “заряда” протестных настроений оказалось достаточно, чтобы революционные движения самоорганизовались уже не в виртуальном, а реальном мире. Более того, происходили “переброски” протеста в соседние регионы, власти которых предпринимали меры предосторожности. Волнения, не принимающие революционный характер, прошли по всему миру, включая Индию, США (с определенной спецификой) и Саудовскую Аравию.

Одной из серьезных особенностей, которая не позволяет полностью характеризовать волну “песчаных” революций как “классических” революции марксистского типа, является, наряду с децентрализацией, отсутствие явно сформированного классового характера происходящих изменений. Сетевые сообщества не обладают достаточно сформированной идеологией или единством интересов. Их участники лишь в некоторой мере могут повлиять на движение тех масс, которые они направляют против существующего порядка вещей. После того, как “спусковой крючок” нажат, движение становится неуправляемым и, часто, бесцельным.

Исходя из опыта недавних революций как в Тунисе так и в Египте, мы можем прийти к выводу, что даже для внешне стабильных режимов политическая смерть “в режиме онлайн” оказалась быстрым и неожиданным способом смены укоренившейся властной элиты. Скорость и география распространения самих событий поражает даже искусственное воображение. Мнения политологов расходятся от “теории заговора” до “мировой революции” и сталкиваются в той же сети Интернет. Современный политический горизонт все больше уходит вниз, от уровня элиты к широким массам,

расширяя видение возможных траекторий движения. Будем надеяться, что это не означает уход в пике всей мировой системы общественно-политических отношений.